

Проанализированы основные положения концепции «революционной законности» в советской правовой доктрине, рассмотрены теоретические и практические аспекты ее формирования, факторы, влиявшие на ее содержание.

Утверждается, что определяющая функция концепции «революционной законности» – это функция достижения политических целей государства правовыми средствами. Сделан вывод, что концепция «революционной законности» представляла собой особую систему права, приспособленную к идеологическим задачам социалистического строительства. Данная концепция воплощала в себе постоянно существовавший в советской правовой системе разрыв между формальным правом и реальным функционированием советских правовых институтов.

Приведен вывод о том, что концепция «революционной законности» не представляла собой законченную государственную правовую конструкцию, а была лишь модификацией ранее сложившейся односторонней ориентации права на политическую доктрину, что позволяло в практической юридической деятельности трактовать «революционную законность» разнообразно, придавая и усиливая те или иные аспекты, необходимые для решения идеологических и практических задач.

Ключевые слова: революция; реформирование; нэп; политическая доктрина; закон; концепция; правовая категория; революционная законность.

Виктор Васильевич Никулин, д-р ист. наук, профессор,
кафедра «Конституционное и административное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
victor.nikulin@mail.ru

ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПРАВА К «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ». ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ» В СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Введение

Революционные преобразования, начавшиеся в России в октябре 1917 г., положили начало формированию советской государственно-правовой системы, заложили ее теоретические и институциональные основы, но она еще не обладала устойчивостью и долговечностью, во многом содержала в себе элементы временности, что предопределяло неизбежность реформаций, сопряженные с изменением социально-политической ситуации. Реальные правовые реформации связаны с окончанием гражданской войны и началом новой экономической политики, именно в 1920-е гг. соз-

дается устойчивая государственно-правая система, обеспеченная стабильным и системным законодательством, рассчитанная на длительный срок применения и в значительной степени реанимировавшая самые стойкие дореволюционные ценности и институты [9]. Система приобрела вполне законченную форму, в которой просуществовала практически весь советский период.

Общий исследовательский замысел, реализуемый в данной статье, состоит в анализе базовых основ концепции «революционной законности» в советской правовой доктрине. Представляется весьма важным выявление факторов, влиявших на формирование содержания концепции, которая сама по себе была попыткой приспособить советскую правовую систему к изменившимся социально-экономическим условиям. Важность изменений, происходивших в правовой сфере в 1920-е гг., определяется и тем, что они отражали процесс обретения системой цельного и законченного вида, они зафиксировали ее развитие на длительный исторический период и абсолютно идентифицировали с советской политической системой.

Обсуждение

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике означал, что период «военного коммунизма», при котором государство опиралось на необычайную степень открытого принуждения закончился [11, с. 290]. Одновременно это и означало, что применяемые в период военного коммунизма методы управления страной становились недопустимыми и даже опасными. Опасность состояла в острейшем политико-экономическом кризисе, в котором пребывала советская Россия к 1921 году. Очевидно, что без улучшения экономического положения путем устранения «военного коммунизма» и предоставления свободы экономической деятельности сохранить власть невозможно. «Мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически нельзя» [6]. Объективная реальность предопределяла понимание необходимости перехода от экономического и правового хаоса времен «военного коммунизма» к устройству жизни на основе закона. Критично важно было для власти восстановить ценностные и нормативные основы жизни социума, поскольку разрушение в период гражданской войны двух важнейших социальных институтов – экономики и права, привело к дезорганизации общественной жизни. Отсутствие в полной мере закона, норм поведения или их недостаточность привели к утрате доверия к важнейшим социальным институтам, значительным отклонениям в поведении субъектов социума и в конечном итоге к невозможности организации жизни на стабильной и долгосрочной основе. Общая государственная задача при переходе к новой экономической политике включала в себя решение нескольких взаимосвязанных задач. В экономической сфере – создать новую экономическую систему, которая позволила бы мотивировать экономический подъем и на этой основе преодолеть экономический кризис. Для этого необходимо было ликвидировать неустойчивые и неэффективные институциональные экономи-

ческие структуры периода «военного коммунизма», создать новые, экономически эффективные, выстроить систему новых правил поведения в экономической сфере, которые бы позволили дать отдачу в виде экономического подъема и ликвидацию на этом фоне кризисных явлений. В системе государственного управления предстояло трансформировать «чрезвычайную диктатуру» в «мирную диктатуру», отменив чрезвычайный порядок управления страной. Предстояло создать новую структуру государственных органов, адаптированных к мирным условиям, упорядочить взаимоотношения центральных и местных органов власти, реформировать чрезвычайные органы.

В правовой сфере общая задача определялась как всестороннее правовое обеспечение регулирования общественных отношений, формирование устойчивого правового режима функционирования общества и всех государственных структур на основе детальной законодательной регламентации, что требовало отменить чрезвычайное законодательство и перейти от фрагментарного законодательства периода гражданской войны к стабильному законодательству по всем основным отраслям права. Предстояло также реформировать судебную систему и структурировать систему юридических органов, регулирующих правовую организацию и функционирование общества.

Решение всей совокупности государственных задач, и в частности правовых, было для большевиков чрезвычайно сложной проблемой, поскольку усугублялось наличием целого ряда важных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Переход к новым условиям жизни и хозяйствования в рамках новой экономической политики сам по себе для большевиков был сложен идеологически и политически, поскольку новая экономическая система покушалась на базовые коммунистические мировоззренческие установки. Исходя из этого, задача в области права при реализации нэпа предопределялась политической доктриной – создать законодательно ограниченные пределы функционирования нэповской экономической системы в форме правовых ограничений и запретов, которые бы не позволяли системе трансформироваться в частно-собственническую и тем самым допустить разрушение советской государственно-политической системы. С другой стороны, ограничения и запреты не должны были препятствовать применению экономически эффективных приемов хозяйствования.

Эта задача была не из легких по причине наличия, с одной стороны, множества теоретических и практических проблем синхронизации законодательства с общеполитическими установками, с другой – значительным объемом предстоящей нормотворческой работы. Предстояло отменить или модифицировать огромный массив чрезвычайного законодательства (с 1917 г. было издано более 4 тысяч нормативных актов, которые необходимо было систематизировать, ликвидировать пробелы и противоречия.), перейти от упрощенной и бессистемной формы источников права (декреты, указы, постановления), носивших непостоянный характер, к новой форме источников права – кодексам, законам, выполняющих систематизирующую функцию регулирования конкретных областей правоотношений.

Субъективный фактор определялся тем, что значительная часть советско-партийной номенклатуры считало, что введение законности равносильно «разоружению революции». Это был прямой результат предшествующей линии на насилие как основного метода построения нового общества. Долгая война, террор создают не только привычки и качества личности, но и определенные учреждения и институты, от влияния которых избавиться еще труднее. В 1920 г. английский философ и общественный деятель Бертран Рассел совершил поездку в Россию, после чего сделал вывод: «Пороки войны, особенно гражданской, являются несомненными и очень значительными. В ходе чудовищной борьбы наследие цивилизации, по-видимому, должно будет утрачиваться, в то же время как ненависть, подозрительность и жестокость станут обычными во взаимоотношениях людей. Опыт власти неизбежно переделывает коммунистическую теорию, и люди, которые контролируют огромный правительственный механизм, едва ли могут иметь то же самое воззрение на жизнь, какое они имели. Если большевики останутся у власти, многое существует не для того, чтобы опасаться, что их коммунизм поблекнет» [1]. К такому же выводу пришел В. И. Вернадский, по мнению которого гражданская война «...имела огромные ужасные последствия: ее глубокое вкоренение в человечество» [4]. М. И. Калинин отмечал, что «война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них – значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона. Победа в гражданской войне породила у этих людей надежду, что дело пойдет так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы» [7]. В военной, деструктивной фазе революции у партийцев сложился примитивный тип поведения, основанный на идейном популизме и эмоциях, что порождало, в свою очередь, максимализм в действиях и нетерпение в достижении результата. Они, привыкшие к методам военного коммунизма, были неспособны воспринять качественно новую систему мотивационных механизмов поведения, в том числе и в отношении необходимости в большей степени действовать по закону. Косность мысли, неспособность к анализу и творческому мышлению составляли существо советских управленцев и в конечном итоге гносеологическую основу отрицания каких-либо изменений в методах управления обществом, в том числе и в правовой сфере. Данное обстоятельство необходимо расценивать как один из существенных факторов, влиявших на отношение к закону и в конечном итоге на формирование государственной правовой концепции.

Вся эта организационно и юридически многосложная работа, осложненная политическим ранжированием, велась в рамках официальной концепции «революционной законности», которая должна была заменить концепцию «революционной целесообразности». Центральная идея концепции формулировалась как переход от чрезвычайных методов регулирования общественной жизни к регулированию на основе закона. Ставилась весьма претенциозная задача изменить общественное отношение

к закону. «До настоящего момента существовал только один подход к праву: что бы то ни стояло на пути укрепления советской власти, оно должно быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон» [5]. Означал ли декларируемый переход к «революционной законности», основанной на непререкаемом авторитете закона, полноценный отказ от «революционного правосознания» как правовой категории и «неправовой» основы для принятия судебных решений? Как показали дальнейшие события в полной мере этого не произошло, политическая целесообразность вновь и вновь заставляла большевиков игнорировать закон и действовать исходя из политических приоритетов.

Но очевидным было то, что переход к мирному периоду с первоочередной задачей экономического возрождения объективно менял положение и роль права в системе государственного управления. Требовалось серьезное изменение черт, характера и способа применения правовых норм, в частности, перейти исключительно к судебной форме разрешения конфликтов и преследования преступников. Кроме того, абсолютно невозможно было обеспечить проведение нэпа с его достаточно развитой системой гражданских правоотношений и разнообразием хозяйственной жизни без четко юридически обозначенных условий. Таким образом, во-первых, интерес к праву объективно повышался, во-вторых, менялись его содержание и форма. В связи с этим возникла проблема формирования теоретической конструкции социалистического права в новых условиях. Главный вопрос – каким должен быть советский закон в условиях мирного периода. Однозначным в большевистской среде было понимание того, что в основе советского права должна лежать марксистская концепция правопонимания. Детальная же конструкция советской модели права представлялась весьма неопределенной теоретически и невнятной практически. Теоретической и практической основой советского права, основополагающей правовой категорией становится «революционная законность», хотя и она была невнятной теоретически и практически двусмысленной, что требовало уточнения содержания данной правовой категории. В мае 1921 г. по инициативе газеты «Известия» началась дискуссия по вопросам «революционной законности». Ставилась задача вовлечь в дискуссию как можно большее количество участников, выявить различные точки зрения по этому вопросу. Разброс мнений был достаточно широк – от официального признания безусловного классового характера содержания «революционной законности» до концепции бесклассовости законности, трактованная как «система устройства общественного бытия, независимо от экономических форм и политических условий их существования». Немало было и сторонников теории чрезвычайного законодательства и революционной совести, отрицавших вообще необходимость системного правового регулирования при социализме, достаточно было, по их мнению, иметь в качестве источников права декреты, приказы, имевших характер не правовых норм, а боевых приказов и распоряжений.

Важнейшей, прежде всего, практической проблемой для большевиков было вписать в общую теорию права революционную целесообразность.

Право на существование этого принципа было принципиально важно для большевиков, поскольку он был критерием безусловного следования во всех практических действиях политической догме. Он позволял при необходимости проигнорировать требования закона и действовать на основе прямых директивных указаний. Особенно важно это было в условиях нэпа, когда требовался контроль над частным капиталом в целях своевременного предотвращения возможных угроз с его стороны для советской системы. Теоретически было трудно найти взаимосвязь революционной целесообразности и «революционной законности», поскольку при любых теоретических построениях законность не предполагает иного, как точное выполнение законов, революционная целесообразность же прямая противоположность, поскольку в ее основе игнорирование закона ради достижения политических целей. Решалась эта неразрешимая проблема теоретическими вывертами и бессодержательными рассуждениями. Утверждалось, что любой закон содержит революционный смысл, дух и революционную цель (революционная законность – это законы, установленные революцией), и при применении закона надо руководствоваться не только «мертвой» буквой закона, но и данными категориями. Поэтому «революционная законность» не исключает революционной целесообразности, а должна комбинироваться с ней, чтобы достичь революционной цели [2]. В результате общий подход правопонимания в рамках «революционной законности» сводился в конечном итоге к двум основополагающим тезисам. С одной стороны, право есть инструмент воздействия на развитие страны правовым порядком, когда «диктатура пролетариата действует через революционную законность» [10], с другой – возникающие революционные интересы и потребности при необходимости могут потеснить правовые средства, когда они не обеспечивают решение возникающих политических и идеологических проблем.

Не могли большевики и отказаться от принципа классовости права, ибо это противоречило бы самой сути марксистской идеологии. Классовая трактовка права позволяла интерпретировать законность как волю господствующего класса, которая, в свою очередь, олицетворялась с политикой правящей партии, что давало возможность действовать государству при необходимости вне правовых рамок. Поэтому «революционная законность» воспринималась не иначе как правопорядок, установленный диктатурой пролетариата. «Что такое советский закон? Советский закон, если у нас есть пролетарская диктатура, есть закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры? Нарушение законов пролетарской диктатуры несть ломка пролетарской диктатуры» [3, с. 351].

Необходимо и акцентировать внимание на еще одном существенном факторе, принципиально повлиявшем на содержание концепции «революционная законность», – это новая экономическая политика. Это потребовало наличия в концепции убедительных правовых гарантий сохранения советской системы при наличии капиталистических элементов в экономике нэпа. Гарантия виделась в создании системы жестокого государствен-

ного капитализма, в которой, с одной стороны, частная инициатива не была бы чрезмерно законодательно ограничена, с другой, присутствовали бы правовые ограничители в виде запретов для полноценного развития капитализма и возможностей его полной реставрации. Суть этой системы заключалась в том, что «пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частного хозяйственного капитализма» [6]. Для того чтобы своевременно реагировать на возможные угрозы, Ленин предлагал в случае возникновения «злоупотребления нэпом» не связывать себе рук законом. «Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы не досмотрели раньше, мы сейчас же внесем нужные исправления. На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства. Подобной нашей, другие державы, к сожалению, не знают» [6]. Таким образом, законодательство виделось текучим, подверженным любому изменению в зависимости от политической конъюнктуры. Стратегическая задача – создать надежные юридические основы государственного регулирования нэповской экономики.

Заключение

В целом при выработке концепции «революционной законности» большевикам пришлось столкнуться с серьезными теоретическими и практическими проблемами. Главная проблема заключалась в том, чтобы найти оптимальное сочетание двух противоположностей. С одной стороны, создать систему законодательства, обеспечивающую все элементы жизни общества, в том числе и в экономической сфере, ограничить революционный произвол органов власти периода деструктивной фазы, с другой обеспечить правовыми средствами устойчивость политической доктрины и политической системы. Разрешение острейшего мировоззренческого противоречия виделось в усилении идейно-политического контроля над обществом, в механизме которого существенным элементом становилось политизированное право. На этой основе сформировалась и общая схема нэпа: жесткость в политике, либерализм (относительный) в экономике. Данная схема дает ключ к пониманию мотивов практических действий большевиков в сфере правотворчества.

Можно утверждать, что в ходе формирования концепции «революционная законность», принципиальные основы понимания роли права, закона, правотворчества в обществе не менялись, смещались лишь акценты в понимании терминов. Понимание закона в интерпретации «революционной законности» сводилось к неукоснительному следованию политической доктрине, что на практике означало ориентацию в первую очередь на выявление способов наиболее эффективного в конкретных условиях достижения экономических и политических целей, причем вторая цель в большинстве случаев превалировала. Таким образом, сложившаяся сразу

же после октября 1917 г. односторонняя ориентация права на политическую доктрину продолжала быть определяющей и в 1920-е гг., что вело к подмене принципа законности принципом «революционной целесообразности», которую следует рассматривать как один из способов реализации политической доктрины посредством механизма правотворчества и судебной практики, не всегда прямо вытекающих из закона.

В конечном итоге советская правовая мысль 1920 гг. так и не могла выйти из узкого круга классово-политических ограничений и создать приемлемую правовую концепцию. «Революционная законность» была предметом дискуссии на протяжении всех 1920-х гг., оставаясь теоретически до конца не сформированной, а практически двусмысленной [8]. Такое положение в принципе не затрудняло большевиков, неясность категории позволяло в практической деятельности трактовать «революционную законность» разнообразно, придавая и усиливая те или иные нужные нюансы, необходимые для решения идеологических и практических задач. В конечном итоге политико-идеологические рамки концепции не могли не сказаться на содержании основных кодексов, принятых в 1920-е гг. Несмотря на наличие в кодифицированном советском праве известных позитивных элементов, очевидно и другое. Принятые кодексы не могли быть исчерпывающим источником права. В реальной жизни действовали и другие источники права, в первую очередь «право власти»: «революционная целесообразность», указания партийно-государственных органов, идеологические концепции, теоретические представления большевиков о праве и государстве. «Право власти» использовалось для поддержания и обеспечения функционирования политической системы. В 1920-е гг. сформировалась особая правовая система, приспособленная к идеологическим задачам социалистического строительства. Ее отличительной чертой становится разрыв между формальным правом и реальной юридической практикой, формальным предназначением правовых институтов и их фактическим политико-прагматическим содержанием.

Противоречие между нэпом и мировоззренческой основой советского государства, заложенное в концепции «революционной законности», неизбежно должно было разрешиться в пользу одной из них, что в конечном итоге и произошло в конце 1920-х гг. ликвидацией нэпа.

Список литературы

1. **Бертран Рассел.** Практика и теория большевизма: пер. с англ. М.: Наука, 1991. 123 с.
2. **Бранденбургский Я.** Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31–32. С. 1 – 2.
3. **Бухарин Н. И.** Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда: доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б), 26 окт. 1927 г. // Избранные произведения. М., 1988. С. 315 – 368.
4. **Вернадский В. И.** Важно содержание: свобода слова, мысли, веры. Из дневников В. И. Вернадского 1922 – 1925 гг. // Исторический архив. 1996. № 5-6. С. 105 – 107.

5. **Калинин М. И.** Выступление на IV всероссийском съезде деятелей советской юстиции, 28 янв. 1922 г. // Избранные произведения. В 4 т. 1917 – 1925 гг. М., 1960. Т. 1. С. 325 – 331.
6. **Камалова Г. Т.** Концепция законности в годы НЭПа: теория и практика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 18(118). С. 3 – 10.
7. **Медведев Р.** О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // Знамя. 1989. № 4. С. 166 – 202.
8. **Папырин В. В.** Концепция «революционной законности» и особенности ее воплощения в политико-правовой жизни советской России в период НЭП // История государства и права. 2007. № 8. С. 35–36.
9. **Сорокин П.** Революция и социология // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 172 – 229.
10. **Стучка П. И.** Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964. 748 с.
11. **Шайдель В.** Великий уравнитель: пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 768 с.

References

1. **Bertran Russel.** *Praktika i teoriya bol'shevizma* [The practice and theory of Bolshevism], Moscow: Nauka, 1991, 123 p. (In Russ.)
2. **Brandenburgskiy Ya.** [Just legality or revolutionary legality?], *Yezhenedel'nik sovetskoj yustitsii* [Weekly Soviet Justice], 1922, no. 31-32, pp. 1-2. (In Russ.)
3. **Bukharin N.I.** [The Party and the Opposition on the Threshold of the XV Party Congress: Report at the Meeting of the Actives of the Leningrad Organization of the CPSU (B), 26 October 1927], *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], Moscow, 1988, pp. 315-368. (In Russ.)
4. **Vernadskiy V.I.** [The content is important: freedom of speech, thought, faith. From the diaries of V.I. Vernadsky 1922-1925], *Istoricheskij arkhiv* [Historical archive], 1996, no. 5-6, pp. 105-107. (In Russ.)
5. **Kalinin M.I.** [Speech at the IV All-Russian Congress of Workers of Soviet Justice, 28 January 1922], *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], in 4 vols., 1917-1925, Moscow, 1960, vol. 1, pp. 325-331. (In Russ.)
6. **Kamalova G.T.** [The concept of legality during the NEP: theory and practice], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2008, no. 18(118), pp. 3-10. (In Russ.)
7. **Medvedev R.** [About Stalin and Stalinism. Historical sketches], *Znamya* [Banner], 1989, no. 4, pp. 166-202. (In Russ.)
8. **Papyrin V.V.** [The concept of "revolutionary legality" and the peculiarities of its implementation in the political and legal life of Soviet Russia during the NEP period], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2007, no. 8, pp. 35-36. (In Russ.)
9. **Sorokin P.** [Revolution and sociology], *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Moscow: Politizdat, 1992, pp. 172-229. (In Russ.)
10. **Stuchka P.I.** *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [Selected works on the Marxist-Leninist Theory of Law], Riga: Latgosizdat, 1964, 748 p. (In Russ.)
11. **Shaydel' V.** *Velikiy uravnitel'* [The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to 21 Centur], Moscow: AST, 2019, 768 p. (In Russ.)

From Extraordinary Law to “Revolutionary Legality”: Formation of the Concept of Revolutionary Law in the Soviet Legal Doctrine

V. V. Nikulin, Doctor of History, Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
victor.nikulin@mail.ru

The main provisions of the concept of “revolutionary legality” in the Soviet legal doctrine are analyzed; theoretical and practical aspects of its formation, factors that influenced its content are considered.

It is argued that the defining function of the concept of “revolutionary legality” is the function of achieving the political goals of the state by legal means. It is concluded that the concept of “revolutionary legality” was a special system of law, adapted to the ideological tasks of socialist construction. It embodied the gap between formal law and the actual functioning of Soviet legal institutions, which constantly existed in the Soviet legal system.

It is concluded that the concept of “revolutionary legality” was not a complete condemnatory legal construction, but a modification of the previously existing one-sided orientation of law to a political doctrine, which made it possible to interpret “revolutionary legality” in a variety of ways in practical legal activity, giving and strengthening certain aspects necessary for solving ideological and practical problems.

Keywords: revolution; reforming; NEP; political doctrine; law; concept; legal category; revolutionary legality.

© В. В. Никулин, 2020

Статья поступила в редакцию 20.04.2020

При цитировании использовать:

Никулин В. В. От чрезвычайного права к «революционной законности». Формирование концепции революционной законности в советской правовой доктрине // Право: история и современность. 2020. № 4(13). С. 07 – 16. doi: 10.17277/pravo.2020.04.pp.007-016